

ИСТОРИЯ БЮРОКРАТИИ И БЮРОКРАТОВ В РОССИИ

«ИНТРИГА» КАК ФАКТОР СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВНЕИЕРАРХИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ ЧИНОВНИКАМИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Н.В. Черникова

Центр изучения истории России XIX века
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

Статья освещает все аспекты эволюции внутрибюрократических связей, складывавшихся на высших ступенях чиновной лестницы и выходящих за рамки иерархических отношений в конце XIX в. Автор доказала, что несовершенство системы часто заставляло чиновников разных рангов искать обходные пути для реализации своих проектов, успешного проведения ведомственной политики. На помощь им приходила интрига во всем разнообразии своих проявлений. Часто она оказывалась единственным (а, следовательно, и неизбежным) средством добиться поставленной цели, и в этом качестве оказывалась необходимым дополнением административной системы.

Конец XIX века — время наивысшего развития бюрократической системы имперской России. Окончательно оформившаяся в первой половине столетия, она претерпевала в это время лишь частные изменения. Неизбежные недостатки системы сглаживали ставшие уже привычными неофициальные связи как внутри-, так и межведомственного характера.

Личные взаимоотношения между чиновниками традиционно играли в России значительную роль, и зачастую именно они, а не официальная субординация определяли ход дел. Это явление было распространено довольно широко, и неправомерно, на мой взгляд, сводить его лишь к существованию пресловутой неотвественной камарильи — действующих вне чиновной иерархии придворных, чьими орудиями были интриги, доносы и наушничество (Брокгауз). Интриги имели не меньше значения и в чиновной среде, что особенно заметно на примере высшей бюрократии.

В историческом контексте в слово «интрига» традиционно вкладывают негативный смысл, подразумевая скрытые неблагоприятные действия, происки,

козни... В данной статье мы рассматриваем интригу как совокупность внутри-бюрократических отношений, подрывающих (нарушающих или дополняющих) служебную иерархию и служащих достижению определенных целей, недоступных официальным путем. Как внеиерархическое средство для достижения результата интрига была удивительно многообразна, включая в себя как крупные предприятия, объединяющие нескольких лиц и ставящие перед собой грандиозные цели государственного переустройства, так и мелкие, рядовые поступки отдельного чиновника.

С этой точки зрения, в частности, можно рассматривать попытку ряда высших сановников (министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, министра финансов А.А. Абазы и военного министра Д.А. Милютина) весной 1881 г. провести государственные преобразования, включающие создание «одномыслящего» министерства и привлечение выборных представителей общественных учреждений к обсуждению законопроектов. Подробно разобранный П.А. Зайончковским в его замечательной монографии «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов» борьба за реализацию пакета реформ включала закулисные переговоры, разрыв личных отношений между сторонниками и противниками либерального курса, попытки перетянуть на свою сторону видных государственных деятелей, включая монарха, сплетни в гостиных и проч. (1). Все это позволяет охарактеризовать действия либеральных министров как крупную, хотя и неудачную интригу.

Проглядывают черты интриги и в повседневной деятельности чиновников. И.А. Шестаков описывает, как при разработке в 1865 г. нового закона о печати подготовленный проект с замечаниями на него, сделанными видными сановниками, был передан гр. П.А. Валуеву, в ведении которого, как министра внутренних дел, находилась цензура. Прежде чем внести проект в Государственный Совет, Валуев просмотрел все документы и снабдил их своими пометами. При этом он «подчинял свои пометки значению личностей, представивших замечания. На важный трактат [М.А.] Корфа, не имевшего влияния при дворе, Валуев выразил наотрез *несогласие*, не давши себе труда мотивировать его <...>. С графом [В.Н.] Паниным Валуев во много любезно согласился, а с [И.М.] Толстым и [В.А.] Долгоруким — друзьями Зимнего дворца — вовсе безусловно. Правда, замечания их не заслуживали спора, но министр внутренних дел ухватился за этот предлог, чтоб выказать индифферентизм к людям умным и сведущим, но невлиятельным, наряду с вниманием к бездарным фаворитам» (2).

Особенно большую роль закулисные отношения играли при отставках и назначениях на различные посты. Именно такого рода интриги особенно часто получали отражение в мемуарах и дневниках современников. Выделялись они и по накалу страстей, могли привести даже к разрыву отношений. При существовании жесткой вертикали власти окончательное решение принималось единолично, и повлиять на его при отсутствии иерархически влиятельных горизонтальных структур как на уровне государства (объединенное правительство), так и на уровне отдельного ведомства было достаточно сложно.

Наиболее простым и единственным официальным способом попытаться добиться назначения конкретного человека на тот или иной высокий пост были доклады непосредственному начальнику (императору или, ступенью ниже, министру), во время которых вскользь затрагивались вопросы, не входящие в компетенцию докладчика, давалась характеристика личным и служебным качествам кандидата. Но такие одиночные действия были малоэффективными, особенно когда речь шла о том, чтобы добиться чьей-либо отставки. В этом случае заинтересованные лица обычно договаривались действовать сообща, как поступили, например, министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр императорского двора и уделов гр. И.И. Воронцов-Дашков и министр государственных имуществ М.Н. Островский в деле отставки министра народного просвещения А.П. Николаи (3). Тогда они не только постоянно информировали друг друга о своих действиях и развитии ситуации, но и с помощью приятеля Островского Е.М. Феоктистова (4) привлекли к делу М.Н. Каткова, разразившегося в «Московских ведомостях» рядом статей.

При кадровых перестановках часто сообща выступали и недовольные намечающейся комбинацией сановники. Таков был эпизод с назначением Т.И. Филиппова государственным контролером в июле 1889 г. (5). Инициатором ее стал государственный секретарь А.А. Половцов, сам мечтавший об этом назначении. Зная о нелюбви к Т.И. Филиппову неоднократно сталкивавшегося с ним на почве вопросов церковного права и народного просвещения обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, Половцов не замедлил поставить Победоносцева в известность о состоявшемся, но официально еще не оформленном решении императора. Победоносцев выступил категорически против этой кандидатуры. Ему удалось перетянуть на свою сторону оставляющего пост государственного контролера Д.М. Сольского, который сначала считал делом чести поддерживать Филиппова, 11 лет прослужившего его товарищем. Под двойным давлением К.П. Победоносцева и А.А. Половцова, поддержанными мадам Сольской, Дмитрий Мартынович отступил: еще 8 июля выступавший за Филиппова, он уже 13-го в разговоре с императором высказывался категорически против его кандидатуры. «О холопство, о хамство», — восклицал по этому поводу Филиппов, и три года спустя не простивший Сольскому его предательства (6). Министр финансов И.А. Вышнеградский, еще один противник Филиппова, посоветовал Сольскому оставить за собой составление текущего отчета в надежде, что до октября, пока отчет будет составлен, решение императора может измениться. В конце концов императору были представлены целых три кандидатуры, могущие заменить Сольского — А.А. Половцов, М.С. Каханов (протее Победоносцева) и Н.С. Петров, чиновник министерства императорского двора и уделов, 6 лет прослуживший главным контролером этого ведомства. Неизвестно, чем кончилось бы дело, не обладай Александр III твердым характером, но в тот раз интрига не удалась: 27 июля 1889 г. Т.И. Филиппов был назначен государственным контролером.

Этот случай нельзя считать чем-то исключительным в плане участия высших чиновников в обсуждении кандидата на видный государственный пост. Скорее наоборот — необычным было твердое, заранее принятое решение императора. Гораздо чаще кандидатуры подвергалась всестороннему обсуждению, неизменно выплескивавшемуся из чиновных кабинетов в светские гостиные. Особенно активно проявляли себя высшие сановники, согласование кандидатур в среде которых было настолько распространено, что в бюрократических коридорах получило даже свое название — «частных переговоров», которые обязательно предшествовали назначению (7).

Соответственно, несогласованные кандидатуры, не имевшие поддержки в министерском корпусе, вызывали всеобщее неприятие. Наиболее показательна в этом отношении история назначения членом Государственного Совета, а затем и министром финансов И.А. Вышнеградского, имевшего устойчивую репутацию не вполне чистого на руку дельца. В чиновных кругах даже обсуждение такой перспективы воспринималось как скандал. Говорили и о том, что назначение Вышнеградского членом Государственного Совета по Департаменту государственной экономии «столь внезапно и без предупреждения о нем Абазы» настолько оскорбительно для последнего как председателя этого департамента, что Абаза, возможно, покинет свой пост (8). Судя по дневникам и воспоминаниям современников, причиной недовольства было, прежде всего, нарушение иерархического принципа. Действительно, на всех ступенях бюрократической лестницы его несоблюдение могло вызвать служебные трения, а то и прямые конфликты. На это жаловался, в частности, В.С. Кривенко, секретарь гр. И.И. Воронцова-Дашкова, перешедший на службу в министерство императорского двора после назначения его патрона министром. При этом Кривенко, с самого начала стоявший у руля структурных реформ в министерстве и обновления его личного состава, далеко не сразу возглавил Канцелярию министра и первоначально занимал сравнительно мелкую должность помощника юрисконсульта с откомандированием в распоряжение министра. Это-то нарушение субординации вместе с активной деятельностью «варяга» и беспокоило старослужащих чиновников в первую очередь (9).

Как видим, интрига как явление была довольно многообразна и могла объединять множество лиц. Но при всем этом сама по себе она не предполагала действительного единства ее участников, чьи цели могли совпадать только на каком-то этапе и при определенных условиях. Та же ситуация, спустя несколько лет, вызывала уже совсем иную реакцию. В качестве примера приведем интригу гр. П.А. Шувалова, А.А. Половцова и др., связанную с болезнью и возможным уходом с поста министра внутренних дел Д.А. Толстого. Болезнь Толстого стала явной в начале 1885 г., в апреле—мае вопрос о его преемнике всюду обсуждался в петербургских гостиных. Но еще в начале февраля было намечено два преемника — А.А. Половцов и, в случае его отказа, М.Н. Островский. А.А. Половцов, со слов И.Н. Дурново, сообщает об этой комбинации как об одобренной государем (10). Этих же кандидатов, наряду с несколькими дру-

гими, называли и в петербургских гостиных (11). Между тем окончательно вопрос решен не был. Молва считала виновником сложившейся ситуации бывшего (в 1866—1874 гг.) главу III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии приятеля Д.А. Толстого гр. П.А. Шувалова, уговаривавшего Толстого повременить с отставкой по крайней мере до октября, чтобы подготовить кандидатуру преемника (12). О том, что Шувалов советовал Д.А. Толстому не торопиться с решением, а сохранять место, записывал в дневнике и еще один приятель Д.А. Толстого (и П.А. Шувалова) А.А. Половцов (13).

Сам Шувалов объяснял свою позицию поддержкой Половцова и опасением, что если Толстой лично не настоит на его кандидатуре и ограничится письменной просьбой об отставке, министром может оказаться М.Н. Островский. Кроме того, утверждал Шувалов, и самому Половцову, несомненно, приятнее будет оказаться свободным летом (14). Между тем сам Половцов, в начале года относившийся к возможности своего назначения с изрядной долей оптимизма, в конце апреля стал гораздо осторожнее. В действиях Шувалова он видел теперь привычку последнего «хитрить и лукавить» и желание самому попасть в министры внутренних дел. И в июне, собираясь в отпуск, в разговоре с императором о возможном преемнике Толстого он был очень осторожен (15). Как известно, отставка Д.А. Толстого в 1885 г. так и не состоялась, он оставался министром до самой смерти 25 апреля 1889 г., причем, несмотря на продолжительную и тяжелую болезнь, событие это оказалось несколько неожиданным. Еще в начале апреля в Петербурге были уверены, что Толстой вернулся из Москвы, «починенный» известным врачом Захарьиным (16), и только 24 апреля А.А. Половцов занес в дневник слова приехавшего в столицу врача о скорой кончине Толстого (17). Но интрига на этот раз так и не сложилась.

Причиной, по которой назначения вызывали такие страсти, было весьма понятное стремление чиновников всех рангов иметь единомышленников или просто удобных людей на тех постах, с которыми приходилось часто сталкиваться. Высшей целью, идеалом в этом случае представлялась ситуация, когда руководитель (государства или ведомства) оказывался окружен людьми, согласно мыслящими и действующими, и постепенно начинал смотреть на все их глазами. Такая ситуация сложилась, например, в Морском министерстве при вел. кн. Константине Николаевиче (18); того же пытались достичь своими действиями в 1881 г. М.Т. Лорис-Меликов, А.А. Абаза и Д.А. Милютин (19). Это единомыслие окружения могло носить как негативный (именно так оценивал ситуацию в Морском министерстве Д.А. Оболенский), так и позитивный характер — в зависимости от целей и нравственных качеств составляющих его людей. Но несомненно то, что его отсутствие зачастую самым пагубным образом сказывалось на самом деле, которое начинало буксовать. Эту ситуацию прекрасно иллюстрируют взаимоотношения, сложившиеся в столице между руководителями центральных ведомств и местной администрацией. Особенно напряженными эти отношения были в 1879—1880 гг., после указа 5 апреля 1879 г. (20), согласно которому в Петербурге, Харькове и Одессе назначались времен-

ные генерал-губернаторы с чрезвычайно широкими полномочиями не только в административной, но и в судебной, военной, полицейской сферах, причем их власть распространялась и на смежные губернии. Но если вдали от столицы генерал-губернатор действительно обладал всей полнотой предоставленной ему власти, в Петербурге, центре террористической активности, где правительственная диктатура казалась особенно необходимой для обеспечения безопасности и спокойствия, генерал-губернатор И.В. Гурко оказался в зависимости от желания сотрудничать с ним III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, чиновники которого гораздо более снисходительно относились к революционерам, нежели генерал-губернатор. Между тем, не располагая реальными полицейскими силами, Гурко в деле раскрытия и задержания преступников вынужден был полностью полагаться на III отделение, которое, в свою очередь, не желало передавать генерал-губернатору начатые им дела.

Е.М. Феокистов, анализирувавший складывающуюся ситуацию в своих регулярных письмах М.Н. Каткову, видел причину возникших сложностей в том, что, в отличие от других генерал-губернаторов, Гурко приходилось иметь дело со столичными учреждениями, полномочия которых были не меньше, чем у генерал-губернатора. И конфликты, которые при этом возникали, были конфликтами не людей, а инстанций (21).

Столкновения между центральной и городской администрацией продолжались, и когда должность главноуправляющего столицей потеряла свой чрезвычайный характер. Занимавший пост градоначальника в 1882—1892 гг. П.А. Грессер также вступил в конфликт с главой политической полиции, товарищем министра внутренних дел и командиром корпуса жандармов (в 1882—1887 гг.) П.В. Оржевским. И на этот раз личные амбиции сильно мешали делу. Как жаловался Грессер кн. В.П. Мещерскому, Оржевский мог сделать градоначальнику выговор за превышение власти, выразившееся в подавлении движения фабричных рабочих, тогда как он должен был ограничиться лишь составлением протокола (22), или в присутствии Грессера разбранить Директора департамента полиции П.Н. Дурново за то, что тот послал сведения о заговорщиках (разработка которых привела к раскрытию террористического заговора 1 марта 1887 г.) градоначальнику, а не начальнику сысского отделения, как это следовало из приказа Оржевского (23). Особенно резко конфликт проявился как раз после 1 марта 1887 г.: обе стороны приписывали заслугу себе и ревниво следили за словами и действиями соперника; оба имели своих сторонников и всячески старались принизить действия противника в глазах императора.

Наоборот, наличие взаимопонимания, поддержки (пусть и не всегда бескорыстной) между сановниками вело к быстрому решению всех вопросов. Особенно много подозрений в нечистоплотности вызывал дуэт А.А. Абаза — И.А. Вышнеградский, в конце 1880-х — начале 1890-х гг. фактически монополизировавший решение всех финансовых вопросов в стране (первый из них занимал пост председателя Департамента экономии Государственного совета, второй — министра финансов). С.Ю. Витте, бывший в это время управляющим

министерством путей сообщения, говорил по этому поводу государственному контролеру Т.И. Филиппову: вы «и сотой доли не знаете того, что делает Абаза благодаря уступчивости Вышн[еградско]го, который ищет в нем опоры по своим делам; как они шушукуются и перед каждым докладом В[ышнеградско]го Государю и после докладов. „Государю, говорит В[итте], докладываются дела не в их истинной сущности, а по соображениям, вместе ими установленным“» (24).

В целом можно сказать, что в чиновной среде недостаток единства ощущался очень сильно. И именно отсутствие реальных структур, обеспечивающих это единство, стало одной из причин многообразных дополнительных межведомственных контактов. Со временем Особые совещания представителей ряда министерств превратились в один из распространенных путей решения вопросов и разработки реформ, затрагивающих несколько ведомств. Периодически возникали и полуофициальные частные совещания, как правило, представлявшие собой совещания основных оппонентов, и в этом качестве получившие достаточное освещение как в исторической (25), так и в мемуарной литературе. На них, в ходе согласования позиций, шел зачастую открытый торг, складывались коалиции, т.е. процветала интрига. В более чистом виде проявлялась она на предварительных совещаниях сторонников того или иного проекта. Например, в 1884 г. перед обсуждением в Государственном Совете нового университетского устава его сторонники (М.Н. Островский, Т.И. Филиппов и др.) собрались на предварительное совещание у Д.А. Толстого, где распределялись роли (заранее расписывались) — кто из них о чем будет говорить на заседании, какой пункт устава отстаивать (26).

Все это в совокупности дает возможность рассматривать интригу как своеобразную замену объединенного правительства, особый вид служебных отношений, дополняющих официальные пути. С помощью интриги можно было достичь чаемой должности, провести реформу или просто облегчить исполнение своих служебных обязанностей. Таким образом, даже на высшем бюрократическом уровне (министров и главноуправляющих) интрига оказывалась неотъемлемой частью ежедневной практики. Еще большую роль она играла внутри ведомств, поскольку министерские служащие при реализации проектов, проведении ведомственной политики во всем зависели от министра, обладавшего всей полнотой власти и игравшего роль неограниченного монарха. По закону («Общему наказу министерствам», п. 297), министр выступал как «главный начальник всех департаментов, министерство составляющих» и осуществлял «надзор за общим их движением, не быв обязанным входить в подробности внутреннего его производства» (27). При министре существовал Совет, носивший коллегиальный характер, однако его члены, как это неоднократно подчеркивалось в литературе, имея только совещательный голос и во всем завися по службе от главы ведомства, не могли ограничивать его единоначалия. Наоборот, только от желания министра зависело, будет ли Совет играть существенную роль или превратится в фикцию (28).

Внутри министерства его руководитель, ничем не стесняясь, мог возвысить или подвергнуть опале чиновника любого ранга. И сделать это так, чтобы это

оставалось внутренним делом, т.е. не меняя структуры ведомства и не озабочиваясь кадровыми перестановками, которые могли привлечь ненужное внимание императора. Подобный случай произошел в 1880 г. в министерстве народного просвещения с назначением министром А.А. Сабурова. Еще во времена министерства А.В. Головнина, в 1863 г., была произведена реорганизация ведомства, делившегося с тех пор на две части — Департамент народного просвещения и Ученый комитет. В ведении этого последнего оказалась разработка проектов основных положений, уставов и штатов, а также программ преподавания для различных типов учебных заведений, рассмотрение и одобрение учебных руководств (29). Председатель Ученого комитета (с 1874 г. этот пост занимал А.И. Георгиевский), таким образом, стоял у руля всех реформ этого ведомства. Так было и при самом Головнине, и при его преемнике Д.А. Толстом (1866—1880), и позже, при И.Д. Делянове (1882—1897). Но в 1880 г., при Сабурове, ситуация резко изменилась. Председатель Ученого комитета при сохранении структуры министерства потерял право устного доклада министру (Сабуров приказал присылать ему бумаги (30)), его перестали привлекать к важным делам и совещаниям, так что даже о том, что происходит в министерстве, Георгиевский вынужден был узнавать от чиновников (31). Из прежнего просторного помещения комитет был переведен в тесную комнату, что усложнило его работу, сделав почти невозможными заседания (32). Даже назначения в Комитет, отпуска и награды совершались помимо председателя, также помимо председателя спускали в Комитет распоряжения о рассмотрении дел. Это прямо нарушало субординацию, приводило к ненормальным отношениям в Комитете (33). Гонения в министерстве коснулись не одного Георгиевского; в еще более сложном положении оказался талантливый литератор В.Г. Авсеенко, вынужденный ежедневно ходить в министерство и заниматься под начальством делопроизводителя, что не только не соответствовало его склонностям и способностям, но противоречило «характеру и классу его должности» чиновника особых поручений при министре (34). Однако возможности такого жесткого отношения руководителя ведомства к своим чиновникам реализовывались очень редко. Как правило, реальность носила несколько иной характер, и ближайшие сотрудники министра имели на него довольно большое влияние. Примеров такого влияния известно немало. Приведем лишь некоторые.

При министре финансов А.М. Княжевиче (1858—1862) значительную роль в министерстве играл его приятель, директор Кредитной канцелярии Ю.А. Гагемейстер (35); при министре финансов Н.Х. Бунге (1881—1886) — директор Департамента окладных сборов А.А. Рихтер, обладавший огромным опытом и знаниями в налоговой политике (36). Министр народного просвещения И.Д. Делянов охотно прислушивался к мнению своих ближайших помощников М.С. Волконского, Н.М. Аничкова, А.И. Георгиевского (37). Похожим образом зарекомендовал себя министр путей сообщения К.Н. Посьет. В 1882 г. он входил в состав Особого совещания, обсуждавшего вопрос об университетской реформе. Согласившись с большинством, он позже попросил для прочтения жур-

нал заседания и особое мнение, поданное министром народного просвещения А.П. Николаи, и задержал оба документа. Обеспокоенный этим Е.М. Феоктистов писал по этому поводу М.Н. Каткову, что «Посыет — известный человек. С ним и в Комитете Министров беспрерывно случается, что на что-нибудь согласится, а потом, когда вернется домой, ему приближенные намоют голову и он отказывается от своего мнения» (38). Действительно, дело кончилось тем, что Посыет написал 5 страниц особого мнения, которое, впрочем, Феоктистов посчитал произведением одного из его приближенных (39). Ближайший сотрудник председателя Государственного Совета вел. кн. Михаила Николаевича государственный секретарь (в 1883—1892 гг.) А.А. Половцов в своем дневнике часто и подробно описывает, как он подталкивал своего патрона к тем или иным выводам и действиям. Причины этого кроются, скорее всего, не в слабости характеров министров, а в росте требований к профессионализму чиновников. Известный исследователь Л.Е. Шепелев как-то заметил, что никакие идеи министра «не могли быть удовлетворительно реализованы без деятельного участия нижележащего слоя чиновничества и, прежде всего, директоров департаментов. Последние нередко представляли основную идейную силу в министерствах, обладая специальными познаниями в данной области и достаточным влиянием...» (40).

От влияния своих подчиненных не был застрахован даже такой сильный министр, как гр. Д.А. Толстой. В 1866—1880 гг. он возглавлял ведомство народного просвещения, и все современники сходились в мнении, что он имел собственное ясное видение решения стоящих перед ним проблем. Тем не менее, когда в 1874 г. была образована межведомственная комиссия по высшему женскому образованию, на внутренних совещаниях ее членов от министерства народного просвещения Толстой вынужден был уступить. Об этом свидетельствовал другой член вышеупомянутой комиссии А.И. Георгиевский: «Как ни гнул гр. Д.А. [Толстой], в пользу учреждения особых высших женских учебных заведений, примененных к нынешнему курсу женских средних учебных заведений, с курсом якобы историко-филологическим, и как не вторили ему в этом тотчас же перешедшие на его сторону Савилов и Лемониус, И.Д. Делянов, при моем содействии, все-таки отстоял основную нашу мысль, в которой прежде все мы сходились, что вопрос о высшем женском образовании пока должен быть отсрочен <...>, и графу Д.А., все твердившему о фанатизме в пользу древних языков, о возможности и необходимости какого-то высшего женского образования без единственно возможной к нему подготовки, сделана была лишь одна уступка, а именно, что правительство может оказывать некоторое пособие публичным курсам для женщин по предметам историческим и литературным, буде они будут учреждены частными лицами» (41).

Однако, говоря о влиянии вторых чинов министерства, необходимо иметь в виду, что оно простиралось лишь настолько, насколько это было приемлемо для самого министра, и в любой момент могло превратиться в фикцию. Тот же А.И. Георгиевский горько жаловался Каткову, что при подготовке «Положения

о народных начальных училищах» (утв. 25 мая 1874 года) и конкретно в вопросе о председательствовании предводителей дворянства в училищных советах он в точности следовал его указаниям, «то есть не противоречил резко графу Д.А., старался мало-помалу подготовить его к необходимости некоторых уступок, указывал на то, что эти уступки не будут иметь важного практического значения и т.д.» и даже добился соответствующего обещания от министра. Но при обсуждении вопроса в Особом совещании граф Толстой с легкостью от этого обещания отступил (42).

Действовать же на межведомственном уровне через голову своего министра для вторых лиц министерств было совершенно невозможно. Все подобные попытки пресекались сразу же более опытными чиновниками. В 1874 г. в министерстве народного просвещения А.И. Гергиевский попытался выступить против педагогических курсов, существовавших при первой женской гимназии в Петербурге. Сложность заключалась в том, что начальником петербургских и царскосельской женских гимназий был И.Т. Осинин, преподававший историю детям Александра II великой княжне Марии Александровне и великим князьям Сергею и Павлу Александровичам. Осинин пользовался покровительством императрицы Марии Александровны, и Георгиевский решил действовать осторожно. Он написал записку, которую отправил к М.Н. Каткову, рассчитывая на его поддержку в «Московских ведомостях», а сокращенный вариант записки собирался направить начальнику III отделения и одному из влиятельнейших сановников той поры П.А. Шувалову. Этому намерению Георгиевского категорически воспротивился И.Д. Делянов, незадолго до этого покинувший пост товарища министра, но оставшийся для Георгиевского постоянным советчиком. Делянов заявил, что передача записки от имени Георгиевского «будет иметь вид интриги, доноса и т.д.», и гораздо лучше будет, если Толстой сам препроводит дело Шувалову (43).

Возможностью открыто высказать свое мнение на межведомственном уровне обладали только товарищи министра, и только в том случае, когда он сам посылал их вместо себя на заседание Государственного Совета или какого-либо Особого совещания. Тогда, и только тогда, товарищ говорил от лица всего ведомства и его мнение считалось мнением министра. Правда, и в этом случае окончательное слово принадлежало главе ведомства, который мог и не согласиться с точкой зрения своего сотрудника. В 1884 г. подобная неприятная ситуация сложилась в министерстве внутренних дел. Тогда в Общем собрании Государственного Совета при обсуждении университетского вопроса министра (гр. Д.А. Толстого) замещал его товарищ И.Н. Дурново, согласившийся (вместе с автором проекта министром народного просвещения И.Д. Деляновым) с целым рядом замечаний. Д.А. Толстой, более 20 лет стоявший во главе ведомства народного просвещения и принимавший университетский вопрос близко к сердцу, резко воспротивился намекам председателя Государственного Совета вел. кн. Михаила Николаевича об обязательности для него сделанных Дурново уступок и в разговоре с Феоктистовым выразил твердое намерение объявить свое

мнение, не останавливаясь перед возможным скандалом (для этого было достаточно демонстративно покинуть заседание и подать особое мнение) (44).

И наоборот, если министр, отчаявшись или по неосторожности, отказывался настаивать на своем мнении, его чиновники уже ничего не могли изменить. Даже присутствуя на заседании во время обсуждения их вопроса, они получали право голоса, только если к ним обращались за каким-либо уточнением члены Совета или сам министр. В случае недостаточной активности или настойчивости руководителя ведомства они оставались безмолвными свидетелями разгрома собственного проекта, и не могли они ни поддержать представление, ни изменить положение. Такую ситуацию, сложившуюся в 1890 г. при рассмотрении Государственным Советом внесенного министром народного просвещения проекта об изменении таблицы гимназических уроков, описывает в подробном письме товарищу министра М.С. Волконскому сотрудник министерства Н.М. Аничков (45).

Поэтому главной задачей подготовивших проект чиновников было так настроить своего патрона, чтобы внесенный в Государственный Совет законопроект отстаивался им со всем возможным тщанием и претерпел минимум изменений. И тут в ход пускали все доступные средства. Заранее «стороной» выясняли мнения членов Государственного совета, готовился аргументированный ответ на их возражения (46), обхаживали наиболее страстных оппонентов (например, Н.А. Манасеина при обсуждении реформы уездного управления, вылившейся в положение о земских начальниках (47)), нередко обращались за поддержкой к журналистам (48). При этом для консерваторов роль предпочтительного органа играли «Московские ведомости» М.Н. Каткова или «Гражданин» кн. В.П. Мещерского, а для либералов — «Голос» А.А. Краевского и «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича.

И не даром многие высокопоставленные чиновники выступали категорически против тесных сношений своих коллег и подчиненных с редакциями газет и журналов, и, при наличии власти, стремились ограничить, а то и запретить такие сношения (49).

Как видим, бюрократическая система далеко не ограничивалась официальными взаимоотношениями, которые часто служили лишь оформлением предшествующей работы либо удачно проведенной интриги. В целом, интрига делала всю систему более гибкой, помогала обходить застывшие формы, увеличивала влияние на дела среднего звена. При несовершенстве административной системы она была зачастую единственным средством исправить положение. И в этом качестве ее необходимость и неизбежность сознавалась и самими чиновниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подр. см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. — М., 1964. — С. 342—375.
- (2) *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. — СПб., 2006. — С. 421.

- (3) Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову. Б/д. [кон 1881 — нач. 1882] // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 25. — Л. 15 об.—16; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия... — С. 437—441, 445—449.
- (4) Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову. Б/д // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 23. — Л. 4 об. — 5.
- (5) Дневник Т.И. Филиппова за 1892 г. Запись 24 июля // РГИА. — Ф. 728. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 36 об. — 39; *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 2. — С. 220, 222—224. — Записи 8, 13 и 14 июля 1889 г.
- (6) Дневник Т.И. Филиппова за 1892 г. Запись 24 июля // РГИА. — Ф. 728. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 37 об., 39.
- (7) Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову. Четверг 29-го [октября 1881] // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 25. — Л. 22.
- (8) Письмо кн. В.П. Мещерского императору Александру III [позже 13 апреля 1886 г.] // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 895. — Л. 334—334 об.
- (9) *Кривенко В.С.* В министерстве двора. Воспоминания. — СПб., 2006. — С. 164.
- (10) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — М., 1966. — Т. 1. — С. 287. — Запись 4 февраля 1885 г.
- (11) Отрывки из дневника кн. В.П. Мещерского для Александра III. Запись 23 апреля 1885 г. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 109. — Л. 4 об. — 6 об.
- (12) Отрывки из дневника кн. В.П. Мещерского для Александра III. Запись 12 мая 1885 г. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 109. — Л. 17 об. — 18.
- (13) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 1. — С. 291. — Запись 15 февраля 1885 г.
- (14) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 1. — С. 319. — Запись 30 апреля 1885 г.
- (15) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 1. — С. 332. — Запись 12 июня 1885 г.
- (16) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 2. — С. 184. — Запись 11 апреля 1889 г.
- (17) *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. — Т. 2. — С. 189. — Запись 24 апреля 1889 г.
- (18) Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. — СПб., 2005. — С. 450, 452.
- (19) *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия... — С. 344, 357, 360, 365.
- (20) ПСЗ-2. — Т. LIV. — 1879. — № 59476.
- (21) Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову. Б/д. // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 21. — Л. 11—16 об.
- (22) Отрывки из дневника кн. В.П. Мещерского для Александра III. Запись 9 декабря 1886 г. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 45.
- (23) Отрывки из дневника кн. В.П. Мещерского для Александра III. Запись 8 марта 1887 г. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 114. — Л. 68 об.
- (24) Дневник Т.И. Филиппова за 1892 г. Запись 30 июня // РГИА. — Ф. 728. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 25 об.
- (25) См., напр.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия...; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 8-х гг. XIX в. — Л., 1978.
- (26) Письмо Е.М. Феоктистова М.Н. Каткову от вторника, 29 [мая] 1884 г. // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 27. — Л. 3—4.
- (27) ПСЗ-I. — Т. XXXI. — 1811. — № 24686.

- (28) Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. — СПб., 1913. — С. 147; Соловьев Я.Ф. Министерство финансов Российской империи в 1858—1903 гг.: организация и функционирование. Дисс. на ... к.и.н. — М., 2003. — С. 246—247; Дальман С.В. Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. — СПб., 2007. — С. 30.
- (29) Дальман С.В. Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX века. — СПб., 2007. — С. 29—31.
- (30) Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 10 мая 1880 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 25.
- (31) Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 31 августа 1880 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 26.
- (32) Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 7 мая 1880 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 23 об.
- (33) Там же: Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 31 августа 1880 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 29. См. так же: Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 января 1881 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 34 об.
- (34) Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 10 сентября 1880 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 31 об.
- (35) Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. — СПб., 1910. — Т. 1. — С. 186.
- (36) Соловьев Я.Ф. Министерство финансов Российской империи в 1858—1903 гг.: организация и функционирование. Дисс. на ... к.и.н. — М., 2003. — С. 263.
- (37) Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. — СПб., 1910. — Т. 2. — С. 281.
- (38) Письмо Е.М. Феокистова М.Н. Каткову от 26 февраля 1882 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 25. — Л. 3.
- (39) Там же: Письмо Е.М. Феокистова М.Н. Каткову от 26 февраля 1882 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 12. — Ед. хр. 25. — Л. 4.
- (40) Шелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. — Л., 1981. — С. 17—18.
- (41) Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 23 января 1874 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 7—7 об.
- (42) Там же: Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 23 января 1874 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 8.
- (43) Письмо Е.М. Феокистова М.Н. Каткову от 18 мая 1874 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 11 об.
- (44) Письмо Е.М. Феокистова М.Н. Каткову от 23 мая 1884 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 1. — Ед. хр. 27. — Л. 11 об., 14.
- (45) Письмо Н.М. Аничкова к М.С. Волконскому от 14—23 апреля 1890 // ГА РФ. — Ф. 1146. — Оп. 1. — Д. 170. — С. 5—20 об.
- (46) Письмо Н.М. Аничкова к М.С. Волконскому от 14—23 апреля 1890 // ГА РФ. — Ф. 1146. — Оп. 1. — Д. 170. — С. 5—5 об.
- (47) Отрывки из дневника кн. В.П. Мещерского для Александра III. Запись 9 мая 1886 г. // ГА РФ. — Ф. 677. — Оп. 1. — Д. 108. — Л. 114.
- (48) См., напр.: Письмо А.Д. Пазухина М.Н. Каткову от 31 марта 1886 г. // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 19. — Л. 101—102.
- (49) См., напр.: Письмо Е.М. Феокистова М.Н. Каткову от 18 мая 1874 // НИОР РГБ. — Ф. 120. — К. 20. — Л. 12; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. — Т. 1. — С. 220—221. — Запись 17 мая 1884 г.

**AN «INTRIGUE» AS THE FACTOR OF SERVICE ATTITUDES:
NON-HIERARCHICAL COMMUNICATIONS
BETWEEN THE RUSSIAN OFFICIALS
IN THE LAST QUARTER OF 19th CENTURY**

N.V. Chernikova

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article is devoted to all aspects of evolution of the intra-bureaucratic communications, which were at the top of the political system and out of hierarchical attitudes at the end of 19th century. The author has proved, that imperfection of system often forced officials of different ranks to search for roundabout ways for realization of the projects, successful carrying out of departmental policy. The intrigue in all variety of the displays came to the aid of them. It appeared often the only weapon (the inevitable weapon) of struggle for purpose, and it became necessary addition of a management system in this quality.